

Что думал Лян Чэнь, Ю Инь, конечно, не знал, но в его собственной голове мыслей крутилось немало.

Может быть, ужин выдался настолько восхитительным, что Ю Инь не мог перестать мысленно возвращаться к нему, даже когда лежал в постели.

Вспоминая одно за другим, он волей-неволей снова подумал о мужчине-шеф-поваре.

Поистине человек с безупречным вкусом! Его любимый классический композитор, как и у самого Ю Иня, — Гарфилд, любимая рок-группа — Франциско. К тому же он держит собачку, подкармливает бродячих кошек, возит их на стерилизацию и делает прививки — настоящий добрый человек! А еще он умеет готовить, и получается у него невероятно вкусно — просто мастер на все руки...

С каждым новым воспоминанием Ю Иню казалось, что аура вокруг Лян Чэня становится всё ярче.

Перед самым сном в затуманенной голове Ю Иня осталась лишь одна мысль: Лян Чэнь и впрямь тот человек, с которым стоит завязать крепкую дружбу.

Проснувшись на следующее утро, Ю Инь все еще чувствовал легкую тоску. Кто знает, когда теперь удастся отведать еду с таким до боли знакомым вкусом.

К счастью, он был непривередлив: немного подбодрив себя, Ю Инь снова заперся в студии и с головой ушел в работу.

Стоило ступить на порог студии, как понятия дня и ночи стерлись, и Ю Инь напрочь забыл о земных радостях вроде вкусной еды.

Закончив правки последней композиции, Ю Инь не удержался от победного клича и на крыльях энтузиазма распахнул дверь студии.

— Брат Цзян, позвони сестре Ли и скажи, что я всё закончил, — возбужденно выпалил Ю Инь, даже не поднимая головы.

Обычно альбом состоит примерно из десяти песен, и по первоначальному плану компании Ю Инь должен был написать лишь половину — около пяти штук. Однако музыкальный продюсер по неизвестным соображениям потребовал, чтобы Ю Инь представил по меньшей мере пятнадцать треков на выбор компании.

Оглядываясь назад, Ю Инь оставался недорогим своим прошлым творчеством, поэтому за этот полуторамесячный срок он, словно неиссякаемый родник, на одном дыхании выдал целых двадцать песен.

— Поздравляю.

Как раз в тот момент, когда радость Ю Иня так и рвалась наружу, он неожиданно услышал знакомый голос Лян Чэня. Ю Инь даже подумал, что от перевозбуждения у него начались слуховые галлюцинации, но, подняв глаза, увидел, что Лян Чэнь стоит возле обеденного стола и с мягкой улыбкой смотрит на него.

Лицо Ю Иня мгновенно вспыхнуло. Осознание того, что Лян Чэнь только что видел его потерявшим от восторга голову, вызвало жгучее смущение. Всегда хочется показать себя с самой совершенной стороны перед тем, кто тебе дорог, а тут тебя застают в столь ребячливый момент, и совершенно к этому не готово.

— Почему ты пришел? — Ю Инь опустил взбудораженные руки, даже не заметив, как радостно и звонко прозвучал его голос.

— Сварил суп, завез тебе немного, — Лян Чэнь кивнул на термос, стоявший на столе.

Только теперь Ю Инь уловил доносящийся от стола знакомый аромат.

— Какая тебе обуза...

— Я просто сварил немного больше обычного. Этот суп успокаивает печень, проясняет зор, выводит жар и снимает воспаление — как раз то, что тебе сейчас нужно, — произнес Лян Чэнь, принимая из рук Цзян Чжэньго пиалу и наполняя ее супом.

Ю Инь с любопытством подошел ближе и заглянул внутрь термоса: ингредиенты и вправду были теми же, что он часто пил в прошлом. Неудивительно, что запах показался таким родным.

Взяв пиалу и сделав маленький глоток, он убедился — это действительно тот самый знакомый кокосово-молочный привкус. Суп со свиными ребрышками и мохнатым кумкватом — традиционное блюдо в родных краях Ю Иня. Он понятия не имел, почему Лян Чэнь, выросший в Великобритании и вернувшийся на родину совсем недавно, так хорошо разбирается в кухне его родных мест.

— Очень вкусно! — сделав большой глоток, Ю Инь восхищенно посмотрел на Лян Чэня и поднял вверх большой палец.

— Брат Цзян, вы тоже выпейте немного, — Лян Чэнь налил еще одну порцию.

— Господин Лян, называйте меня просто Сяо Цзян, ладно уж, Сяо Цзян, — с трепетом в голосе произнес Цзян Чжэньго, принимая пиалу. Ему уже доводилось пробовать еду, которую босс передавал лично в руки, но привыкнуть к этому он никак не мог. Хотя сейчас он работал с Ю

Инем, истинным его работодателем оставался Лян Чэнь, и зарплату каждый месяц выплачивал именно он. Строить из себя незнакомцев и прикидываться братьями перед лицом настоящего хозяина — для честного человека это настоящее испытание.

— Вы ведь иногда помогаете мне с готовкой, пусть это будет благодарностью за труд.

Лян Чэнь уже упоминал при Ю Ине, что терпеть не может чужих людей в доме, поэтому не стал нанимать прислугу: готовил в основном сам, а когда засиживался в делах, перекусывал где-нибудь на стороне. Узнав об этом, Цзян Чжэньго время от времени стал захватывать еду и для Лян Чэня.

Лян Чэнь решил отплатить тем же: готовя для себя, он стал делать порцию и для Ю Иня. Благодаря этому Цзян Чжэню не приходилось мотаться туда-сюда, а Ю Инь мог наслаждаться любимым вкусом. Видя, что оба ладят отлично, помогают друг другу, да еще и его самого кормят домашней едой, Ю Инь, разумеется, был только рад такому исходу.

— Ты только что сказал, что все песни готовы? Знал бы — приготовил что-нибудь поинтереснее для праздника, — с улыбкой глядя на Ю Иня, у которого от удовольствия сузились глаза, промолвил Лян Чэнь.

— Мм, после проверки на соответствие стандартам, пожалуй, можно будет приступить к записи альбома, — Ю Инь немного замялся и небрежно бросил: — К тому же я написал на пять песен больше.

Лян Чэнь смотрел на сияющие глаза Ю Иня, похожего на ребенка, который отчаянно жаждет похвалы от старших и потому как бы невзначай бросает к их ногам контрольную со стобалльной оценкой. На сердце теплело, и так и хотелось взъерошить его пушистые, слегка вьющиеся волосы и от души похвалить.

— Какая умница, справился всего за полтора месяца, — искренне произнес Лян Чэнь. Он никогда не сомневался в музыкальном таланте Ю Иня: даже в прошлой жизни, полной превратности судьбы, тот не сдавался. Лян Чэнь верил, что стоит дать Ю Иню благоприятную среду и позволить развиваться свободно — и он непременно засияет ярчайшей звездой на музыкальном олимпе.

В прошлой жизни он познакомился с Ю Инем слишком поздно и ничего не мог изменить; в этой же он вернулся на родину заранее лишь для того, чтобы вымостить ему путь и расчистить все преграды.

— Д-да нет же, — под восхищенным взглядом Лян Чэня Ю Иню снова стало казаться, что он ведет себя слишком по-детски. — Их еще должны оценить преподаватели из компании, вдруг не пройдут отбор?

Ю Инь уже мысленно приготовился к переделкам и вовсе не тешил себя надеждой, что всё

утвердят с первой попытки.

— Пройдут. Я в тебя верю.

Встретившись с непоколебимой уверенностью во взгляде Лян Чэня, Ю Инь почувствовал мощный прилив сил, и даже на следующий день, столкнувшись с нахмуренными бровями продюсера, не испытал особого трепета в груди.

Хуан Цзяпин был музыкальным продюсером, назначенным компанией для работы над альбомом Ю Иня. Начав свой путь на сцене в 1975 году, он завоевал премию Хуайнь в номинации Лучший дебютант, после чего ушел за кулисы и стал штатным продюсером звукозаписывающей компании Хуаньши. Позже он покинул компанию, пустившись в свободное плавание, и превратился в самого востребованного независимого музыкального продюсера.

Он записал альбомы для множества исполнителей, и две пластинки из текущей десятки самых продаваемых релизов китайской поп-сцены принадлежали его перу.

Хуан Цзяпин страница за страницей пролистывал нотные листы Ю Иня, и чем сильнее бушевало в его груди волнение, тем суровее становилось выражение его лица. Прослушав вокал Ю Иня в тренировочном зале, он понял, что его теплый и нежный голос — мощнейшее оружие в исполнении любовных баллад. Учитывая материал, собранный компанией ранее, продюсер отбирал преимущественно душевные или меланхоличные песни о любви.

Однако среди двадцати треков, сданных Ю Инем, любовных лирик оказалось всего штук пять-шесть, да и по качеству они заметно уступали остальным песням.

Пришлось признать: хотя эти композиции о любви вполне тянули на крепкие работы по меркам современной поп-сцены, для человека, заставшего золотой век музыкальной индустрии, их слабые места бросались в глаза.

— Ты что, никогда ни с кем не встречался? — перелистывая партитуру, даже не поднимая головы, спросил Хуан Цзяпин.

— Да, — Ю Инь слегка опустил голову.

— Пусть сам свинью не резал, так хоть бегавшей не видел? Не крутил романы, так неужели чужие не наблюдал? — тон Хуан Цзяпина стал суровым, в нем сквозило горькое разочарование.

— Наблюдал, поэтому и написал такое, — испуганный строгим тоном Хуан Цзяпина, Ю Инь невольно сбавил голос и указал указательным пальцем по воздуху на распечатки в руках продюсера. Эти песни он написал под впечатлением от просмотренных фильмов.

— Ты... — заметив, как сидящий перед ним парень втянул голову в плечи, Хуан Цзяпин поднял взгляд и тут же натолкнулся на неодобрительное выражение Ю Яли — казалось, он только что напугал ее подопечного. Глядя на то, как у парня поникли даже слегка вьющиеся волосы, а круглые глаза блестели чистым светом, продюсер невольно задумался: не перегнул ли он палку со строгим тоном?

— Кхм, — Хуан Цзяпин прочистил горло и изо всех сил попытался смягчить голос: — Нельзя сказать, что эти твои песни плохи — всяко лучше того музыкального мусора, что кругом сейчас звучит. Но этого недостаточно, понимаешь?

— Угу-угу, я понимаю, — поспешно кивнул Ю Инь.

— Впрочем, любовные песни, которые приносит компания, едва ли лучше твоих, — тут же проворчал Хуан Цзяпин.

Бросив на Ю Иня оценивающий взгляд и словно приняв какое-то решение, Хуан Цзяпин швырнул пачку текстов о любви обратно на стол и резко поднялся, хлопнув ладонью по столешнице:

— Короче говоря, для этого альбома мы выберем иной путь — с лирикой завязываем.

В современной музыкальной индустрии царят песни о любви, особенно те, что пропитаны горечью расставаний: девять из десяти хитов из верхушки чартов посвящены сердечным делам. Индустрия звукозаписи и так катится под откос, и заявить в такое время альбом, никак не связанный с романтикой, звучит безумно.

— Зато качество этих песен высокое, мелодии очень привязчивые, а тексты глубокие, — взяв дюжину нелюбовных треков, Хуан Цзяпин преобразился, охваченный воодушевлением.

— Пошли, пойдем попробуем, — убедившись в жизнеспособности идеи, он прихватил рукописи и направился к выходу.

— Идите, вы пока ступайте, а я тут все приведу в порядок, — Ю Яли, похоже, давно привыкла к резким всплескам настроения Хуан Цзяпина, невозмутимо жестом велела им следовать за ним. Сама же она осталась собрать выброшенные им листы — даже если они не понадобятся сейчас, утечку допускать нельзя.

В тренировочном зале Хуан Цзяпин еще раз перебрал оставшиеся четырнадцать песен, отсеяв две и оставив двенадцать.

— Сначала опробуем эти двенадцать, а если всё пройдет гладко, выберем из них десять, — усевшись на табурет у фортепиано, Хуан Цзяпин протянул пачку нот Ю Иню.

Затем он заиграл аккомпанемент, прося Ю Иня напеть припев каждой песни.

Когда все двенадцать композиций прозвучали по разу, Хуан Цзяпин исчеркал исправлениями красным маркером исписанные листы, после чего с хлопком опустил крышку пианино:

— Ладно, и выбирать ничего не надо — двенадцать песен для одного альбома не так уж и много.

— Возьми это, хорошенько подумай над деталями. Какие у тебя соображения насчет аранжировки?

— Кое-какие есть, — послушно ответил Ю Инь, забирая распечатки из рук продюсера.

— Собери мысли воедино, с завтрашнего дня начинаем переговоры с аранжировщиками. Будешь вовлечен в процесс от и до: сначала, пожалуй, свяжемся с гитаристом и ударником, не бойся высказывать любые свои идеи, — Хуан Цзяпин похлопал Ю Иня по плечу, демонстрируя дружеское расположение. — А вот как сегодня — не годится. Свои музыкальные права нужно отстаивать громко и уверенно, не глядя на то, насколько грозен собеседник.

Ю Инь покорно кивнул, про себя с облегчением подумав: слава богу, учитель и сам понимает, что бывает слишком грозным.

<http://bllate.org/book/25250/3010213>